Сергей Булыга

Вода и сеть

Фантастика приключения детектив

extra

SHOUT
SHARE
IT

- Сергей Булыга

Сергей Булыга
Аонахтилла

Безбрежное море спокойно – ни ветра, ни волн. Ни чаек над водой, ни туч в холодном синем небе – ничего. И только медленно, покойно загребая лапами, плывет Аонахтилла. Глаза ее полуприкрыты, губы плотно сжаты. Аонахтилла не спешит; путь ее бесконечен, а время пути – беспредельно. Суета – удел слабых и глупых существ, которые спешат и совершают подвиги, оплошности, нелепости, предательства – всё, что угодно, лишь бы им не быть наедине со своим страхом и не думать о конце, о смерти.

Аонахтилла же, напротив, думает о жизни, о множестве жизней, точнее, о бесконечном множестве существ, для коих она стала главной и единственной опорой. Она бессмертна и всесильна, мудра и терпелива, и потому должна быть снисходительной к тем беззащитным существам, которые волей судьбы всецело в ее власти. О, да, конечно, всякая забота – это хлопоты, волнения. Но зато как восхитительно чувство того, что ты кому-нибудь необходима! А уж если ты необходима бессчетному множеству множеств, то тогда чем измерить подобное чувство?

Да, Аонахтилла устала, и ей, конечно, тяжело. Но ведь она не может бросить тех, кто ей доверился. А посему она и дальше будет плыть и плыть, покойно загребая лапами, и будет сдерживать дыхание, плавно скользить по волнам и не думать о том, что она голодна. Лишь только иногда, когда становится совсем невмоготу, Аонахтилла с трудом повернет свою старую дряблую шею и, близоруко щурясь, глянет себе на спину…

И перед ней предстанет целый мир – живой, разнообразный, удивительный и в то же время беззащитный и доверчивый. Стоит лишь зацепить его лапой или же просто неловко мотнуть головой, как бессчетное множество жизней с негромким всплеском канет в волны и исчезнет навсегда. А посему Аонахтилла осторожно отвернется и, теперь уже глядя в пустынную даль, с грустью и трепетом вспомнит, как же всё это начиналось.

А был тогда солнечный день. Волны мерно катились по морю. Аонахтилла, опустивши голову и разбросавши лапы, лежала на воде и отдыхала. Как вдруг…

В безоблачном и абсолютно чистом небе вдруг ослепительно сверкнула молния, мелькнула вниз – и с грохотом вонзилась ей в панцирь! Аонахтилла вскрикнула…

И больше ничего уже не помнила. Мир погрузился в темноту и тишину. И как долго пребывала она в таком состоянии,

Аонахтилла не знает.

Когда же наконец глаза ее открылись, а уши снова стали слышать, то море по-прежнему было спокойно и небо безоблачно. Привычный мерный рокот волн напоминал о вечности и неизменности заведенных порядков. Аонахтилла, успокоившись, вздохнула, оглянулась…

И замерла. И не поверила. На спине у нее лежал диск. На диске были горы и моря, зеленые равнины, ледники, пустыни, реки. Горы быстро росли, сотрясались и рушились, моря то растекались, то быстро уменьшались, зеленые равнины покрывались белизной и снова зеленели. Аонахтилла удивленно встрепенулась – диск тут же накренился набок и заскользил по панцирю. Еще мгновение… Но Аонахтилла, спохватившись, удержала его лапой, вернула на место и, снова глядя вперед, поплыла по бескрайнему морю. Ей нужно было всё обдумать и принять достойное решение. А сбросить диск в воду нетрудно и всегда успеется.

Да и достойно ли Аонахтиллы бездумно расправляться с диском? Уж если он ниспослан ей, то, значит, и необходим. В мире нет ничего бесполезного. Море кормит ее, небо дарует ей свет и возможность дышать. А диск, наверное, позволит ей познать саму себя. На диске расположен пусть и маленький, однако целый мир. Мир этот еще только возникает, зарождается. Что ж, хорошо. Аонахтилла будет наблюдать за ним, за его ростом, становлением, и тогда ей, возможно, откроются дотоле недоступные воззрения и откровения. Конечно, нести на себе целый мир ей будет очень трудно, но ведь известно: только трудности и позволяют нам постигнуть истину.

И Аонахтилла плыла по бескрайнему морю, скользила с волны на волну и всякий миг ощущала, что там, у нее на спине, растет и совершенствуется мир. Диск перестал дрожать, а это означало, что горы уже не растут и моря отыскали свои берега. Обретя постоянную форму, диск стал усложняться. Аонахтилла старательно щурилась, но уже не могла рассмотреть, как изменяется дарованный ей мир. Зато она всё явственней чуяла, как некие неведомые нити всё крепче связывают диск и панцирь. Диск как бы становился частью ее тела. Вот, значит, как: она будет плыть в бесконечности, а путь ее вечен, и так же вечно диск будет покоиться на панцире, духовное родство Аонахтиллы и тех жизней, что нашли на ней приют, будет крепчать и усложняться, усложняться и крепчать, крепчать…

Мысли путались и исчезали. Глаза сами собой закрывались, а лапы неловко, с трудом загребали волну. Диск на спине стал наливаться тяжестью. Что это?

О, это усталость. И голод. Да, путь ее бесконечен и она бессмертна, это так. Но и в то же время она – это обычное живое существо! И ей хочется есть. А в глубинах бескрайнего моря водится великое множество рыб, и стоит лишь нырнуть…

А как же тогда диск? Он же тотчас утонет! Погибнет только что родившаяся жизнь. Точнее, бессчетное множество жизней – невероятно маленьких, беспомощных, доверивших Аонахтилле свою будущность. Так неужели же она настолько ослабела, так неужели ради насыщения она, бессмертная, способна погубить всех тех, чья судьба уже отчасти стала и ее судьбой?! Ну конечно же нет! И подняв голову, глядя только вперед, Аонахтилла скользила с волны на волну. Уставшие лапы порою гребли в пустоте, а порой застывали, висели как плети… и снова гребли. Аонахтилла чуяла, как диск всё крепче прижимался к панцирю, и от того казалось, что она и диск едины. Такое чувство придавало сил, и Аонахтилла плыла.

Лишь только одна мысль тревожила ее – мысль о бессмертии. Иначе говоря, возможно ли бессмертно, то есть бесконечно, плыть, плыть и плыть и в то же время чувствовать всё возраставшую тяжесть?

Да только стоит ли Аонахтилле думать о бессмертии? Бессмертен тот, кто не рождается; бессмертно вечное, то есть лишь то, что не имело и начала. А Аонахтилла пусть очень давно, но была рождена. И если это так, то, значит, она смертна, как смертны и те, что на диске.

Она конечно же не знала, сколько ей еще осталось плыть, но, несомненно, наступит тот час, когда силы покинут ее, голова упадет, и она захлебнется. А после первой же волной диск будет сброшен с панциря. Стало быть, диск обречен. А она? Она не помнит своего рождения. Так, может, она не рождалась? Так, может, бессмертна? Но если ей даровано бессмертие, то диск…

Нет, надо плыть, грести, пока есть силы.

Рыба! Большая, жирная, сверкая золотистой чешуей, она скатилась по гребню волны и исчезла. Наверное, ушла на глубину… И появилась вновь. Смотрела мутным красным глазом, едва шевелила спинным плавником и, главное, не уплывала. Ну что ж, сейчас накатится волна и, спрятав в панцирь голову и лапы, Аонахтилла попытает счастья.

Взлетев на гребень, затаившись в белой пене, Аонахтилла хищно выпустила когти, скользнула вниз, схватила рыбу за спину, вцепилась… И не удержала. Рыба вырвалась из лап и бросилась в спасительную тьму, на глубину. Аонахтилла, опьяненная охотничьим азартом, глубоко вздохнула…

И спохватилась. Замерла. Ведь если бы она нырнула, то диск

немедля утонул. Переведя дыхание и успокоившись, Аонахтилла осторожно оглянулась. Диск возлежал на панцире. Он был весь мокрый и с него текла вода. Что, если жизнь на нем погибла? Волна вполне могла смыть с диска всё живое.

Нет! Аонахтилла ничего на нем не видела, но зато чуяла, как диск становился теплее и все теснее прижимался к панцирю. Да, она едва не погубила всех на ней живущих, и это будет для не уроком. Теперь-то она уже ни на миг не забудет про бессчетное множество слабых существ и будет плыть как можно осторожнее. Вот только хватило бы сил.

И Аонахтилла плыла по бескрайнему морю. Устав, она разбрасывала лапы и лежала на воде. Течение несло ее. Куда – она не знала. Да и не все ли равно? В бескрайнем море направление бессмысленно; там нет ни берегов, ни островов, ни отмелей – там некуда стремиться.

И все-таки она не верила в бескрайность. Ей казалось, что не может быть такого, чтобы нигде и никогда она не встретила спасения.

Каким окажется ее спасение, она не представляла. Она лишь знала, что ни море, ни небо, ни солнце, ни ветер не дадут ей облегчения. Единственный, кто может ей помочь, так это диск. Там великое множество жизней, там разум множества существ. Да, существа эти пока бессильны, но она чувствует, что диск, как и когда-то, в первый день, стал понемногу оживать. Ей тяжело, в глазах плывут круги, лапы сводит судорога, шея затекла. Но она будет плыть! И вечно будет ждать, будет верить, что те, живущие на диске, ей как-нибудь помогут. Вдруг… Что это? Диск шевельнулся? Нет, показалось. Тишина.

И грохот! Пламя! Диск разлетелся вдребезги, и панцирь раскололся. Аонахтилла вскрикнула и, завалившись на бок, захлебнулась.

Когда же разошелся едкий дым, то Аонахтилла – вверх брюхом – безвольно плыла по течению. Течение влекло ее на мелководье, туда, где из воды торчала жесткая буро-зеленая трава, лакомая пища черепах.